

К 150-ЛЕТИЮ ПРИСОЕДИНЕНИЯ
ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ К РОССИИ
АНГЛИЙСКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК XVIII ВЕКА ОВ
АРМЯНСКОМ КУПЕЧЕСТВЕ В ИРАНЕ

МАРГАРИТ АСЛАНЯН

После заключения выгодного для Англии англо-русского торгового договора в 1737 г. и учреждения в 1740 г. «Российской компании» вновь создались благоприятные условия для провоза английских товаров в Персию через Московское государство¹. Джонас Хэнвей (1712—1786 гг.) был одним из первых коммерсантов, который, воспользовавшись благоприятной ситуацией, предпринял поездку в Персию по волжско-каспийскому пути².

В 1743 г., став компаньоном Дингли, владельца Торгового Дома в Петербурге, Хэнвей отправился в Россию. Здесь, познакомившись с данными торговли на Каспии, он взялся сопровождать караван с шерстяными изделиями в Персию. Пробыв в Персии до середины ноября и закупив большую партию шелка-сырца, Хэнвей на том же корабле возвратился в Астрахань. Отсюда сушей вдоль западного берега Волги он добрался до Царицына и в январе 1745 г. вернулся в Петербург.

После пятилетнего пребывания в России летом 1750 г. Хэнвей покинул Петербург и через Германию и Голландию вернулся в Англию. По возвращении он занялся подготовкой к изданию книги путевых впечатлений, которую начал писать еще в России.

Вышедшая в 1753 г., книга³ вызвала к себе широкий интерес. Учитывая ценность содержащихся в ней сведений для дальнейшего развития английской торговли на Востоке, специальным актом парламента было предписано ее переиздание в 1754 г. В том же году она вышла

¹ Англичане посещали Персию уже с XV в., но английские торговые экспедиции стали проникать в эту страну по волжско-каспийскому пути лишь после учреждения «Московской компании» в 1552 г. Однако в 1581 г., после шестой экспедиции англичан, торговля с Персией была прервана из-за позиции русского правительства, которое «проводило последовательную политику ограничения деятельности в России европейского торгового капитала, под разными предлогами отказывая ему в праве транзита» (В. А. Байбуртян, Армянская колония Новой Джульфы в XVII веке, Ереван, 1969, стр. 90).

² В конце 30-х гг. для выяснения перспектив британской торговли по этому тракту в Иран отправился Джеймс Спильман, описавший свое путешествие в книге *„A journey through Russia into Persia by two english gentlemen“*, London, 1742.

³ Han way J o n a s, *An historical account of British trade over the Caspian sea: with a Journal of travels from London through Russia into Persia, and back again through Russia, Germany and Holland, to which are added the Revolutions at Persia during the present century with the particular history of Nadir Koull* (далее—H,a), London, 1753, 4 vols.

в немецком переводе. До конца века вышло еще несколько английских изданий. «Путешествие» было задумано Хэнвеем прежде всего как отчет коммерсанта, передающего те сведения, которые, по его убеждению, должны были пригодиться англичанам, предпринимаящим торговые экспедиции в Персию через Россию, т. е. способствовать восстановлению почти что загложшей торговли по этому тракту.

В книге Хэнвея содержатся сведения о торговых путях, о городах на пути и торговле там, о способах перевозок товаров морем и сушей, об опасностях, подстерегающих торговые караваны в пути и в самой Персии, о спросе на рынках, о ценах, мерах и весах, о конкурентах и т. д. Для наглядности Хэнвей снабдил свою книгу картами и иллюстрациями. В конце книги был дан пояснительный словарь обиходных в торговле русских и восточных слов.

Отчет коммерсанта обогащен наблюдениями человека широкого кругозора и начитанного. Для объяснения фактов и событий Хэнвей делает исторические экскурсы, пытается анализировать экономику страны, дать оценку политическим событиям и государственному строю. Вместе с тем он, конечно, сознавал, что в обильном материале (географическом, историческом, бытописательном и т. д.), содержащемся в его объемистом сочинении, могут быть неточности и ошибки, о чем он и предупреждал читателя⁴.

Подобно Шардену Хэнвей не ограничился описанием лишь стран и торговли; он ввел в свое повествование собственные приключения, которые, как он считал, составляли «самую занимательную часть» его «путешествия».

Хэнвей имел своих предшественников в описании Персии в лице Антони Шоли, Томаса Герберта, многократно издававшегося в XVII в., Адама Олеария, Джемса Харриса, Джемса Спильмана, французов Тавернье и Шардена.

Естественно, что с большим доверием он отнесся к знаменитой книге Жана Шардена. Хэнвей опирается на Шардена главным образом при описании мест, которые он лично не посетил, как например, Эривань, Нахичевань, Исфахан, Н. Джульфа и т. д. Однако в III главе своего «Путешествия» (I том, стр. 105—230) Хэнвей совершенно самостоятелен, ибо здесь он описывает ту Персию, которую видел собственными глазами.

Хэнвей не без основания мог считать себя первооткрывателем в том смысле, что не только собрал воедино существующие разрозненные и необнародованные материалы (карты, выдержки из дневников и путевых заметок Дж. Элтона, Т. Вудруфа, Дж. Кука, Ван Миропы и т. д.), но во многом сам явился источником новой информации. В частности, совершенной новизной отдавали его описания Персии 40-х годов XVIII в., последних лет правления Надир-Шаха. Он описал экономическое состояние Персии и дал характеристику военным, гражданским

⁴ Там же, стр. 8.

и духовным властям при Надир-Шахе. Все это делало книгу Хэнвея ценным первоисточником в глазах позднейших историков Ирана эпохи Надир-Шаха.

Для нас особый интерес представляет довольно обширный материал, содержащийся в книге Хэнвея об Армении и армянах.

В 30-е годы проф. Ов. Акопян предпринял издание отрывков из путевых записей европейцев об Армении и армянах⁵. К сожалению, он успел издать только два тома (I и VI), включив в I том записи путешественников XIII—XVI вв., а в VI том—XIX в. Отсутствующие XVII—XVIII вв., по-видимому, должны были составить содержание II—V томов. Приводимый нами материал из книги Хэнвея частично восполнит этот пробел.

В XVIII в. армянское купечество продолжало оставаться основным конкурентом англичан по торговле в Персии. Этим объясняется пристальное внимание к армянам коммерсанта Хэнвея. Он считал нужным включить в свою книгу все известные ему данные о них. Хэнвей сообщает, что задолго до англичан «армяне переправляли европейские товары из Архангельска и Петербурга в Персию по волжско-каспийскому пути». Он пишет: «после того, как русский великий князь Алексей Михайлович отвоевал Астрахань у татар, большое количество английских и датских тканей было закуплено русскими и армянскими купцами в Архангельске, которые они перевозили в Астрахань и отсюда переправляли в Персию»⁶. «А когда арена торговли переместилась из Архангельска в Петербург, армянские купцы стали возить товары отсюда в Саратов, а там, погрузив товары на волжские корабли, спускались к Каспию. Но набеги пиратов на Волге часто заставляли их удлинить сухопутное передвижение и направлять свои караваны в Царицын, укорачивая таким образом путь по Волге»⁷.

По свидетельству Хэнвея, торговля между Персией и Турцией тоже велась в основном армянами. Они снабжали товарами англичан, французов и датчан в Константинополе, Смирне и Алеппо. «Они,—пишет Хэнвей,—долгое время отличались как самые сообразительные торговцы по всей Азии, и, вынося на рынки изделия Востока, ввозили туда европейские товары». Однако «династические войны и вражда между турками и персами, часто прерывавшие торговлю между их странами, заставили большинство армянских купцов обратиться к русскому пути»⁸.

⁵ Հովհ. Հակոբյան, *Ազգայնագիտություն, հ. II (1253—1582), Երևան, 1932; հ. 2 (1800—1820), Երևան, 1934.*

⁶ Н. а., стр. 7. Здесь речь идет о событиях конца XVII в., когда при царе Алексее Михайловиче Романове правительственные войска, подавив восстание Степана Разина, вновь овладели Астраханью в ноябре 1671 г. Хэнвей нередко называет казаков татарами—«кубанские татары». Хэнвей пишет: «Казаки являются разновидностью татаров. Их наименование означает грабитель, но в этих местах они цивилизованы и преданы русскому правительству» (там же, т. I, стр. 64).

⁷ Там же, стр. 28.

⁸ Там же.

Хэнвей стремится к реальной оценке деятельности армянского купечества. Например, он высказывает уверенность, что все возможности в сфере торговли в Персии давно хорошо изучены армянами, и здесь англичанам мало что оставалось открыть. «Элтон, — пишет Хэнвей, — найдя путь в Гилан, положил начало коммерческой связи с этой провинцией и был убежден, что открыл совершенно новую сферу торговли, о которой армяне или ничего не знали, или не были в состоянии использовать. Но это не так, ибо армяне посещали Мешхед еще во времена шаха Аббаса и снабжали этот город европейскими товарами, привозимыми через Исфахан и Тебриз или Каспийское побережье. Там еще стоит большой караван-сарай, построенный шахом Аббасом для пользы армян, обосновавшихся там в большом количестве. И если бы там были какие-либо возможности для успеха, как предполагает Элтон, армяне не преминули бы воспользоваться ими»⁹.

Хэнвей располагает сведениями об армянах со дня их переселения в Персию. Описывая массовое переселение джюльфинцев, предпринятое в начале XVII в. шахом Аббасом, Хэнвей ошибочно считает, что оно было подчинено лишь экономической задаче: использовать джюльфинских армян-купцов для развития внешней торговли Ирана и упускает из виду военно-стратегические и политические цели, преследуемые Аббасом I, который задумал превратить территории, через которые должна была пройти турецкая армия, в «зону опустошения». Поэтому в повествовании Хэнвея не акцентируется трагический смысл происходящих событий. Напротив, всячески подчеркивается та забота, которую проявил шах Аббас при организации переправы джюльфинцев через Аракс и устройстве их нового места жительства в пригороде Исфахана. Он описывает местоположение Н. Джюльфы и пересказывает всю историю возникновения и процветания здесь армянской колонии.

«Армяне, — пишет он, — будучи созидательными, деятельными людьми, посвятили себя торговле и ремеслам, и, благодаря их стараниям и прилежанию, эта колония вскоре достигла большого расцвета. Аббас I был слишком большим политиком, чтобы пренебречь теми мерами, которые могли способствовать успеху такого предприятия»¹⁰. «Некоторые из наследников этого монарха придерживались такой же политики, и Новая Джюльфа за короткое время стала значительным торговым центром». Хэнвей явно грешит перед исторической действительностью, считая, что Н. Джюльфа занимала положение «независимой республики, основанной посреди чужой нации»¹¹. Говоря о правах и привилегиях, предоставляемых Аббасом I новоджюльфинскому купечеству и духовенству, Хэнвей — буржуазный мыслитель, расценивает это как благодеяние для всей армянской колонии. «Армяне Джюльфы, поощряемые

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 160.

¹¹ Там же.

столь необходимым покровительством, много лет процветали, занимаясь торговлей во многих частях света, что было очень выгодно Персии, но затем,—продолжает Хэнвей,—двор, забыв свои собственные интересы, перестал покровительствовать им, и в царствование шаха Хуссейна их привилегии стали вызывать раздражение»¹². Хэнвей имеет в виду усиление налогового гнета в Иране при шахе Султане-Хуссейне (1694—1722), от которого больше всего страдало армянское купечество, занимавшее главенствующее положение в иранской торговле. В условиях крайнего экономического упадка «шахское правительство, постоянно нуждаясь в денежных средствах, увеличило поборы с купечества: это явилось одной из причин сокращения торговли в Иране и переселения иранских, главным образом армянских купцов в Россию и Индию»¹³.

Хэнвей приводит примеры изменившейся политики в отношении армян со стороны персидского духовенства и самого шаха Хуссейна¹⁴. «В его царствование,—пишет он,—никакого внимания не обращали на закон «возмездия». Духовенство, оскорбленное равноправием, которое этот закон установил между мусульманами и христианами, ввело обычай, что если перс убивает армянина, он может искупить свой грех, отдав воз зерна родственникам убитого. Армяне восприняли такое отношение как знак порабощения. Но они были беспомощны и становились равной добычей и жадных, и ленивых»¹⁵. «Дух коммерции, которым армяне столь отличались, был подавлен. Они были лишены возможности оберегать свою жизнь или имущество»¹⁶. Подтверждением и иллюстрацией этой мысли служат следующие за этим описания драматических событий периода афганского нашествия. При приближении афганцев во главе с Мир Махмудом шах Хуссейн, озабоченный, по-видимому, лишь снабжением огнестрельным оружием самих исфаханцев, велел армянам Н. Джульфы явиться в полном вооружении к его дворцу. Когда же армяне, преисполненные готовности дать отпор врагу, охотно выполнили приказ, их ждало горькое разочарование. По приказу шаха они были тут же разоружены и отпущены домой. Затем, сам заперевшись в Исфахане, шах Хуссейн оставил Н. Джульфу на произвол судьбы. «Отказ в помощи побудил армян думать, что шах вознамерился пожертвовать Джульфой и ее обитателями во имя спасения своей столицы. Вполне вероятно,—заключает Хэнвей, что этот слабый монарх вообразил, что афганцы удовлетворятся богатствами Джульфы и не тронут Исфахан»¹⁷.

Далее Хэнвей описывает, как была разграблена Джульфа афганцами. Как подвергаясь жесточайшим экзекуциям, были вынуждены отдавать все свое состояние наиболее имущие армяне. В довершение все-

¹² Там же, стр. 161—162.

¹³ «Всемирная история», т. V, М., 1956, стр. 236.

¹⁴ Н. а., стр. 161—162.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, стр. 162.

¹⁷ Там же.

го по велению Мир Махмуда Джульфа была обложена постыдной данью—отдать красивейших девушек города, и как трагически это переживалось армянами, «в высшей степени дорожащими своей честью», которые, «кроме бедных», в конце концов сумели выкупить пленниц у афганцев¹⁸.

Хэнвей показывает, что той же политики в отношении армян придерживался и наследник шаха Хуссейна шах Тахмаз. «Он обложил армян в 1724 г. огромными налогами, которые взыскивались с необычайной свирепостью». «Он заставлял армян служить в своей армии, хотя по обычаю они освобождались от воинской повинности»¹⁹.

Хэнвей утверждает, что положение армян еще более ухудшилось при Надир-Шахе. «В то время как Надир был занят войнами на суше и на море и собирал армию против турок, Персия стонала от невыносимых податей. Непомеренные налоги, взимаемые самым нечеловеческим образом, заставляли тысячи людей впасть в отчаяние. Жители целых деревень и городов уходили в горы... Массы людей переселились в северные области Индии, огромное число стало под протекцию Турции. Некоторые ушли в Аравию. Другие по морю перебрались в империю Моголов. ...Армяне и прочие, кто терпели бедствия от постоянных вымогательств, покидали свои дома под видом коммерсантов или паломников. Поэтому было велено проверять удостоверения личности таковых. Это одна из причин, почему Джульфа не была поголовно покинута армянами»²⁰.

Хэнвей упоминает, что в 1740 г. Надир-Шах изъял у патриарха армян 24000 крон, заявив, что «духовенству богатства ни к чему, между тем как его армия нуждается в деньгах»²¹.

Касаясь оккупации Восточной Армении в 1727—35 гг. Турцией, Хэнвей показывает, что армяне равно страдали и от насилия и грабежей османских завоевателей. Он, в частности, описал поход на Эривань Ариф Ахмед паши Диарбекира, который, предавая огню и мечу все на своем пути, разграбил многие селения и города и «увел в рабство свыше 2000 армян»²².

«Следовало ожидать,—пишет Хэнвей,—что армяне, столь храбрые, и столь решительные... будут бороться за избавление от хищного врага»²³.

В сочинении Хэнвея мы находим упоминания о событиях национально-освободительной борьбы армян в 20—30-х гг. в Сюнике и Арцахе. Он считает, что вооруженные выступления армян в Сюнике были вызваны жестокими и незаконными действиями принца Тахмаза, т. е.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, стр. 210.

²⁰ Там же, стр. 412.

²¹ Там же, стр. 403.

²² Там же.

²³ Там же, стр. 210.

носили исключительно антииранский характер. Он пишет: «Тахмаз ле-
леял большие надежды заполучить корону. Но он находился в стеснен-
ных обстоятельствах. Забыв, что его опрометчивый гнев, в предыдущем
году, стал причиной восстания в Тифлисе, он обременил армян чрез-
мерными налогами, взимаемыми с крайней строгостью. Эти суровые
проявления его своевольного нрава с самого начала отвернули от него
симпатии этого народа и вскоре довели армян до отчаяния. Вынужден-
ный действовать незаконно, он силой вошел в некоторые их главные
города и ограбил, особенно те, которые не подчинились его приказу
присоединиться к его полкам... Армяне Капана и Сиснана, найдя, что
с ними обращаются как с врагами, взяли за оружие.

Тахмаз вместо того, чтобы проявить благоразумие, решил нака-
зать их силой. Но они оказали ему такое сильное сопротивление, что
он стал более осмотрительным и решил в конце концов вступить с ними
в переговоры»²⁴.

Эпизоды военного содружества между шахом Тахмазом (1726—
1727 гг.) и восставшими армянами Сюника во главе с Давид Беком,
вызванные необходимостью дать отпор османским завоевателям, ос-
мысляются Хэнвеем лишь как результат маневра, к которому прибег
Тахмаз ради усмирения армян.

Об освободительной борьбе армян в Арцахе мы находим у Хэнвея
следующие свидетельства: «Этот народ (армяне — М. А.), исходя из
создавшихся ныне обстоятельств, образовал нечто вроде республики,
которая, как мне передали, отличалась тем, что учинила полный раз-
гром шеститысячной армии, посланной против них Абдулла пашой.
Это было до того, как они одержали победу и над правителем Ганд-
жи»²⁵. Говоря о победе, одержанной армянами над армией, «послан-
ной Абдулла пашой»²⁶, Хэнвей мог иметь в виду один из эпизодов осво-
бодительной борьбы армян Арцаха против турецкой оккупации в 1731—
35 гг. или же участие армянских полков в военных действиях войск
Надир-Шаха при осаде Ганджи и в сражении у села Егвард (1735 г.),
где армия Абдулла паши была полностью разгромлена, и сам он убит.

Проследивая судьбы армянского народа под игом двух восточных
деспотий, Хэнвей наблюдает некую эволюцию. В начале XVIII в., как
он ошибочно считает, армяне еще не помышляли восстать против своих
поработителей. Эта мысль отчетливо выступает на тех страницах, где
Хэнвей пересказывает историю посольства Исаеэла Ори к исфахан-
скому двору в 1709 г.²⁷

В изложении фактов Хэнвей близок к предшествующим европей-
ским источникам²⁸. А. Р. Ионнисян пишет: «Сведения об Ори и его

²⁴ Там же, стр. 211.

²⁵ Там же, стр. 252.

²⁶ В 1734 г. вместо погибшего Топал Осман паши командующим Восточных войск
был назначен Кёпрулузаде Абдулла паша.

²⁷ Н. а., стр. 301—303.

²⁸ *Լեւոն, Հայոց պատմություն, հ. III, 1973, Երևան, стр. 94—100.*

деятельности Хэнвей, без всякого сомнения, заимствовал из известной книги очевидца событий иезуита Крушинского»²⁹. Сам Хэнвей указывает иной источник. «Я—пишет Хэнвей,—нашел недавно опубликованный французский труд, автор которого мр. Клерак приложил немало трудов для сбора более достоверных материалов»³⁰. Нам не удалось установить, какое именно сочинение имел в виду Хэнвей. Очевидно, однако, что в вопросе посольства Исаеэла Ори указанный им автор тоже опирался на труд Крушинского. Хэнвей следует им не только в передаче событий. Он, подобно европейцам, живущим в Исфахане в момент описываемых событий, увидел в Исаеэле Ори только лишь коммерсанта, соперника европейцев в торговле.

Как мы видим, Хэнвей не усмотрел связи между посольством Исаеэла Ори и освободительными устремлениями поработанного армянского народа. Собственно, по его мнению таковых устремлений тогда и не было. Поскольку, —пишет он,—«армяне более склонны к торговле, нежели к войне, они не помышляли уклониться от своего повиновения персидской монархии»³¹.

Интересы армянского купечества, которое не хотело рисковать и подчас отказывалось поддерживать свободолюбивые акции своего народа, расцениваются в данном случае как интересы всего армянского народа.

Джульфинские именитые купцы не раз заявляли, что у армян нет политических проблем, как свидетельствует Шарден, они были встревожены теми переговорами, которые велись в 70-х гг. XVII в. католиком Акопом Джугаеци в Риме об освобождении армян от персидского владычества³².

Освободительную борьбу армян в 20—30-х гг. Хэнвей расценивает как «вынужденную войну», которая велась «ради защиты собственной жизни и своего имущества», а не во имя независимой государственности.

Вплоть до 40-х гг. XVIII в. англичане, стремящиеся монополизировать иранскую внешнюю торговлю, установить контроль над иранским рынком и над экспортом шелка-сырца, пытались привлечь на свою сторону армянское купечество Ирана³³. В своей книге Хэнвей придерживается этой политики лояльности к армянам. Отчасти этим можно объяснить то сочувствие, которое высказывает Хэнвей при описании страданий армян и притеснений, коим они подвергались, находясь под игом восточных деспотий. Наряду с этим как представитель английской коммерческой буржуазии, которая набирала силу и уже стала претен-

²⁹ А. Р. Ионнисян, Иосиф Эмми, Ереван, 1945, стр. 83.

³⁰ Claviger, Louis Andre de la Mamiey (1690—1751), инженер и историк (?).

³¹ Н. а., 109.

³² Chardin Y. A New and accurate description of Persia and other Eastern Nations containing the Natural History. London, 1724, т. II, стр. 146.

³³ В. А. Байбуртян, указ. соч., стр. 78.

довать на гегемонную роль в политической жизни в собственной стране. Хэнвей выступает с критикой всякого феодального произвола и деспотического насилия, осуждая те условия беззакония, в которые была поставлена «торговая нация» (т. е. армяне).

Нарушенный правопорядок, отсутствие неприкосновенности личности и собственности—все это было ненавистно радикально настроенному представителю английского III сословия. Поэтому размышления Хэнвея часто имеют свой подтекст. В них нередко слышны отголоски оппозиционных речей сторонников сильного и независимого парламента эпохи Георга II. Так, например, когда Хэнвей говорит, что «персидский двор, забыв свои собственные интересы, перестал покровительствовать армянскому купечеству», он мысленно осуждает не одного только шаха Хуссейна.

Поэтому возмущение армян и заметные сдвиги в их умонастроениях, наблюдаемые начиная с 20-х гг., представляются Хэнвею естественными и справедливыми. «Возникла опасность,—пишет Хэнвей,—что армяне, к которым относятся с таким пренебрежением, так несправедливо, будут лелеять чувство гнева, которое побудит их попытаться менять своих правителей»³⁴. «В настоящее время,—заявляет Хэнвей,—есть много армян, предпочитающих подчинение России. Именно по этой причине они пользуются таким сочувствием в этой стране»³⁵. О прорусских настроениях «многих армян» Хэнвей мог судить по личным впечатлениям, а также по тем сведениям, которые получил от Элтона и др. англичан, побывавших в Персии. Помимо того, что Хэнвей констатирует факт русской ориентации армян, он приводит читателя к причинам этого явления. Отсюда и обилие в его книге «исторических примеров» избиений, ограблений, гонений и притеснений армян со стороны персидских или турецких властей.

Повидавший Персию 40-х гг., Хэнвей приходит к выводу, что почва выбита из-под ног армянского купечества. Он осознавал, что весь размах их торгово-ремесленной деятельности, вся их слава, скорее, относились к прошлому. Это не означает, что Хэнвей недооценивал армян как конкурентов в настоящем. Он, например, считал, что договор 1741 г., разрешающий экспортировать выработанный в Персии шелк-сырец в Англию из любого порта или места, принадлежащего России, был выгоден в первую очередь армянам, ибо он давал им возможность реализовать свои товары непосредственно в Англии. Но, хотя в настоящем армяне продолжали занимать главенствующее положение в персидской торговле, будущности в этой стране у них не могло быть. Хэнвей убежден, что это понимали сами армяне. Он сообщает, что армянские купцы «ревнивым оком» следили за торговыми успехами англичан и стремились помешать им. «Они откровенно заявили, что с радостью заплатят большую сумму, чтобы вытеснить нас оттуда». «Они не сомне-

³⁴ Н. а., стр. 210.

³⁵ Там же, стр. 29.

ваются, что мы сможем вести их торговлю сами». В будущем, Хэнвей был убежден, у англичан в этой стране шансов было больше. При условии, однако, что в Персии восстановится «порядок». Поэтому Хэнвей не боится объективных и даже хвалебных оценок в адрес армян.

Однако Хэнвей говорит правду о положении армян, описывает разорение армянских купцов, ставших жертвами грабежа и вымогательства персидских ханов, вовсе не для того, чтобы вызвать к ним сострадание. Восточная деспотия, принявшая наиболее уродливые формы в период политического хаоса, и произвол, царящий в Персии, были серьезной помехой для развития коммерции вообще и в частности для англичан, стремящихся наладить торговлю с Персией.

Таким образом, из материалов, содержащихся в книге Джонаса Хэнвея о судьбах армян и армянского купечества в Иране в XVII—XVIII вв., перед нами вырисовывается следующая картина.

1. В XVII в. начиная с Аббаса I правители Ирана в целях оживления иранской торговли стали покровительствовать армянскому купечеству. И в этих условиях необычайно процветали армянские торговые центры.

2. Однако с конца XVII в. правители Ирана «перестали покровительствовать армянскому купечеству». Хэнвей здесь констатирует тот факт, что наступивший с конца XVII в. экономический кризис, заставивший правителей Ирана увеличить поборы с купечества ради пополнения государственной казны, роковым образом отразился на судьбах армянских купцов, которые делались первыми жертвами всевозможных обложений и вымогательств со стороны иранских властей.

3. Трагизм положения армян усугублялся и тем, что Иран вступил в полосу «революций», приведших к падению Сефевидов, и последовавших затем гражданских войн и войн с Турцией, что не только пагубно отражалось на торговле, но и ставило под угрозу само существование иранских армян.

4. В целях самозащиты начиная с 20-х гг. армяне вступают на путь освободительной борьбы.

5. Конечным итогом явилось то, что уже при Надир-Шахе началась массовая эмиграция армян в Индию, Россию и др. страны. А заметной тенденцией у армянского народа стала ориентация на Россию. Для нас представляет большой интерес подтверждение английским путешественником, посетившим Персию в начале 40-х гг. XVIII в., конкретных фактов, свидетельствующих о русской ориентации армянского освободительного движения.

XVIII ԴԱՐԻ ԱՆԳԼԻԱՑԻ ՃԱՆԱՊԱՐՀՈՐԴԸ ԻՐԱՆԻ ՀԱՅ ՎԱՃԱՌԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՄԱՍԻՆ

ՄԱՐԳԱՐԻՏ ԱՍԼԱՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո ի մ

XVIII դ. 40-ական թվականներին Պարսկաստան այցելած անգլիացի առևտրական Զոնաս Հենվելի ճանապարհորդական նոթերը հետաքրքիր տեղեկություններ են պարունակում հայաբնակ քաղաքների, հայերի և մանավանդ հայ վաճառականության գործունեության մասին: Հանգամանորեն խոսելով Պարսկաստանում Անգլիայի գլխավոր առևտրական մրցակիցների՝ հայերի մասին, Հենվելը գալիս է այն եզրակացության, որ XVIII դ. Պարսկաստանում ստեղծված քաղաքական անկայունության, մեկը մյուսին հաջորդող պալատական հեղաշրջումների, խռովությունների, պատերազմների, օրինակալության բացարձակ բացակայության և հայերի նկատմամբ պարսիկ տիրակալների վարած դաժան քաղաքականության պայմաններում հայերն այլևս ոչ միայն տնտեսապես բարգավաճելու, այլ նույնիսկ գոյատևելու հեռանկարներ չունենին: Այդ պատճառով էլ տեղի էր ունենում նրանց զանգվածային արտագաղթը դեպի այլ երկրներ, և հենց դրանով էլ բացատրվում է նրանցից շատերի բացահայտ ոռոսական կողմնորոշումը: